

Глава 41

Цветок на пальцах из праха и кровавой грязи

Иллюзия, подобная мыльному пузырю, исчезла в мгновение ока, но ядовитый огонь, однажды пробудившийся в его сердце, будет гореть вечно.

Потеря сознания во многом защитила его.

Барабаны.

Охота началась снова.

Расплывчатые, колеблющиеся на бумажных окнах тени казались лишь частью кошмара.

Во сне всё ещё простиралась бескрайняя снежная равнина.

Пришли волки. Тощие, с обвисшей шкурой, их тела горели тёмно-красным пламенем, оставляя на снегу жуткие чёрные дыры.

Как давно они не ели досыта?

Эти отвратительные, грязные твари обладали призрачно-зелёными глазами, которые искали, выслеживали.

И они посмели остановить свой взгляд на нём!

Се Ни с трудом шевельнул пальцами. Чёрные волосы на его щеках развевались от их зловонного дыхания, и его бледное лицо было беззащитно перед стаей.

Он метался под их отвратительными взглядами. Лёд и снег таяли, холодный пот струился по телу, но этот пот уносил с собой и последние силы для сопротивления.

Почему он не может проснуться от этого кошмара?

Будь у него хоть капля сил, он бы вырвал эти зелёные глаза и растоптал их!

Ветер и снег яростно бились в оконную раму, их тяжесть почти ломала ему кости, заставляя выкашливать кровавую пену.

Словно учуяв запах крови.

Волки завывали и, опережая друг друга, бросились вперёд. Их скорость росла, подобно пламени, вздымающему чёрный дым.

Едкий запах жжёной селитры с их шкур, смешанный с густым ароматом мускуса, проникал ему в горло. Картины сна вызывали тошноту, но желудок был пуст, и он извергал лишь слабые потоки воздуха.

Он увидел.

На снежной равнине стая волков охотилась на зайца!

Шерсть снежного зайца была кристально-белой. Он лежал, свернувшись в снегу, на его раненом животе застыла большая кровавая наледь. Он был достаточно осторожен, но что с того?

Когти рвали его. Со всех сторон к нему тянулись острые морды зверей, толкая его так, что он не мог перевернуться.

Тяжёлое дыхание. Волки возбуждённо дышали, пожирая его дрожащие уши, выворачивая их, так что из ушных раковин сочилась кровь; рвали. Горячие языки и клыки скользили по каждой шерстинке, сдирая мясо вместе с кровью; жгли. Капли пота, падающие на раны, вызывали мучительную боль, словно его вспарывали заживо.

...И, конечно, неконтролируемые судороги, когда когти пронзали его тело.

Снежный заяц изо всех сил отталкивался задними лапами, пытаясь вырваться из стаи, но его хватали за хвост и швыряли обратно. Он издавал жалобные крики.

Не только клыки, но и толчки острых морд, и удары волчьих хвостов, похожих на железные прутья, из-за своей безудержной силы превращались в жестокую пытку.

Некогда белоснежная шерсть пропиталась кровью и грязью.

Упав в огненное море, быть растерзанным голодными волками.

Отпустите... Отвалите!

Убить их... Убить их!

Се Ни на мгновение очнулся от кошмара. За окном не было ни ветра, ни снега, лишь бушующие тени огня.

Синяки на запястьях, прокушенные до крови губы...

Каждый раз, когда боль приводила его в чувство, Се Ни отвечал беспощадной мезтью.

Даже если не получалось задушить тканью или заколоть шпилькой, он был готов откусить им языки!

Если бы до падения дворца Чанлю кто-то сказал ему, что он будет так грубо кусать своих врагов... нет, у него даже не было бы возможности услышать такие слова. Кто бы учил наследного принца сражаться насмерть чем-то, кроме меча? Кто бы сказал ему, что в мире существует не только смерть за родину, но и другой конец — быть втоптаным в грязь?

Тень... тень... убей их, сбеги из этого кровавого моря!

Он, как и желал, наносил им всё новые и новые раны. Однажды ему даже удалось пронзить сердце одного из них обрывком цепи.

Тень радовалась, как ребёнок, дёргая за цепь, словно за нитку воздушного змея, и носилась по камере.

Если бы не зазвучали барабаны, он бы мог этим обрывком цепи вырвать ему все рёбра.

Дум-дум-дум-дум-дум, дум-дум-дум!

Отчаянное сопротивление, подобное взаимному уничтожению, и ещё более жестокое подавление.

После того как цепь убрали, в камере не осталось ничего, чем можно было бы нанести вред. Вместо этого появились высокая кровать, мягкие постели, шёлк и парча. В его запястья и лодыжки вонзили огненные иглы, лишив его сил даже поднять руку. Он мог лишь лежать ничком на подушках.

Лекарство, вливаемое в горло. Отвратительная приторная сладость, бушующий жар, пот, выступающий на шее и спине, сладостное головокружение, всё более чуждое, пугающее телесное ощущение.

Жарко... что это... отвратительно... горячо!

— ...Небесная дева... всего лишь сосуд...

Небесная дева?

От этого обращения ему хотелось смеяться.

Как смешно — звери в человеческом обличье, неспособные отличить благоговение от оскорбления.

Но эта холодная усмешка на его губах, казалось, что-то потревожила. Кто-то грубо отвёл его волосы, схватил за подбородок и впился взглядом в его лицо.

— Чему ты смеёшься?

— А почему бы и нет, смейся! Разве не этого ты хотел? Что ты хочешь, я всё тебе дам!

— Небесная дева... Небесная дева... мать твою, открой глаза и одари нас своей милостью!

Губы Се Ни слабо дрогнули.

Холодный поток воздуха заставил руку, сжимавшую его подбородок, возбуждённо напрячься, вены запульсировали.

Они приблизились к нему, пытаясь разобрать слабый шёпот, но услышали лишь кровавый кашель. В следующую секунду Се Ни сомкнул зубы и впился в ухо одного из них, отрывая его вместе с плотью.

— Вы... тоже достойны... говорить о милости!

— Ай! У Небесной девы нет цветка в руках, значит, нет и сердца?

Неизвестно кто, схватив цветок из топлёного масла, засунул его ему в рот. В его удушающей дрожи цветок медленно мялся, принимая новую форму.

Густой, приторный запах, вечно цветущий аромат молока.

Привкус крови во рту ещё не исчез, и, вынужденный глотать, он всё равно крепко сжимал зубы. Кровь стекала по уголкам губ в ямку на шее, тонкие кости горла дрожали.

Цветок из топлёного масла растаял, его лепестки смазались, и половина лица Небесной девы,

покрытая алой краской, осыпалась.

Долгое время его разум был затуманен до предела, он не видел даже своей тени.

Бесконечная охота. Иногда это был голодный одинокий волк, иногда — стая. Хищники приходили один за другим, чтобы преподнести ему так называемый благоуханный цветок.

Один сжимал его шею, глядя, как его пропитанные потом зрачки сужаются, а затем расширяются, другой хватал его за волосы, переворачивал на подушках и с силой давил на рану на животе.

Наградой по-прежнему был истинный огонь, чистый и мощный.

Беспамятство, жизнь и смерть.

Именно в это время он смутно слышал, что они всё ещё пытаются с ним говорить. Голоса молодых мужчин — самодовольные, презрительные, пренебрежительные, непристойные... восхваляющие его красоту, извергающие прямые и низменные желания.

Каждый раз, когда его дантянь был готов взорваться, наступал долгий период тёмного покоя.

Кровь клана Суи непрерывно циркулировала, умирив борющиеся и кусающие друг друга потоки истинного огня, превращая их в ослепительно-красную жемчужину, которую затем вырывали из его тела.

Вот для чего они его мучили?

Ради этой жемчужины, выкованной из истинного огня?

Для него это была боль, подобная той, что испытывает живая жемчужница, когда из неё вырывают жемчужину. Каждый его меридиан, казалось, разрывался, а духовная энергия была полностью высосана.

Он не видел того, кто забирал жемчужину, перед глазами стоял лишь кровавый туман. Каждый раз после этой пытки он терял сознание, истекая кровью.

Сосуд. Вынужденный принимать истинный огонь, вынужденный быть опустошённым, снова и снова.

...

Убить их.

Убить их!

Выпустить наружу бесконечную ненависть и боль, превратить этих демонов в мыльные пузыри...

Самый тёмный и мучительный голос его души наконец получил ответ.

...Тень!

Тайные знания о технике Переплавки Тени, с которыми он случайно соприкоснулся в детстве, в долгих мучениях становились всё яснее.

Небесная обитель Суи, фреска «Наследный принц Гоуи верхом на журавле». Он смотрел на неё бесчисленное количество раз во время своих практик, но однажды случайно заметил мотылька у фонаря... туманный... постепенно рождающий иллюзии. Техника Переплавки Тени выбрала его...

...«Я», которого нет, не знающий, что есть истинное «я», — это вопрошание тени. Ведомый внешней волей, он растворяется... Первая ступень техники Переплавки Тени — Вэньин!

За таинственными, трудными для понимания бормотаниями следовала на удивление искусная техника. С детства он легко осваивал любые техники и заклинания и, естественно, не осознал, что уже бессознательно начал практиковать её.

Но чем дальше он читал, тем более злое и холодной становилась техника. Это было чистое зло.

Вторая ступень техники Переплавки Тени — Жунъин... боль из болей, плоть и кровь в огне, жизнь в небытии, ненависть к этой оболочке, слияние формы и тени, лишь тогда обретёшь свободу...

Эти слова были безумны. Он лишь взглянул на них и отвернулся, больше не поддаваясь искушению мотылька.

Но сейчас эти демонические заклинания снова всплыли в его сознании.

Боль из болей... жизнь в небытии... кровавая ненависть, но, пережёвывая эти слова, он испытывал странное удовольствие.

Тень снова пришла. Она сидела, обхватив колени, и играла с занавесом у кровати.

— Хочешь коснуться меня? — тихо спросил Се Ни. Он с таким усилием сжал пальцы, что они свело судорогой, и потянул за простыню. — Тело... вне тела...

Тень бросилась к нему, но, столкнувшись с кроватью, покрытой следами насилия, царапинами и кровью, беззвучно закричала и, как ребёнок, уткнулась в него, сильно дрожа.

Она хотела погладить его волосы, вытащить огненные иглы из его меридианов, разгладить синяки на его запястьях, но всё было тщетно.

Она даже плакала. Слезы тени были невидимыми и прохладными, они капали на его бескровное лицо.

Се Ни чуть не взорвался от ярости. Если бы не бессилие, он бы разорвал свою собственную тень, чтобы посмотреть, из чего она сделана — из хлопка или из воды!

И в такое время она проявляет слабость?

В его груди, в его костях, под каждым сантиметром его кожи бушевали невидимые клинки, отточенные ненавистью до такой остроты, что готовы были в любой момент прорваться наружу, а его тень плакала.

Эти жалобные, молящие инстинкты, как и слёзы тени, были совершенно бессмысленны.

— Не плачь, — сказал Се Ни. От крайнего напряжения в его горле, казалось, выросла ещё одна кость. — Ты знаешь, что это за звери?

На кровати царил хаос, но среди него были разбросаны жемчуг и шёлк. Роскошь, благоуханные цветы, изысканное вино — всё это было подарками от тех людей. Горсть жемчуга холодно переливалась в его волосах.

— Собаки, — тихо произнёс Се Ни.

...

Голодные собаки действительно ненасытны.

Но получить от них что-то было очень легко.

Он, как и желал, получил все тайные знания о технике Переделки Тени.

В тот день, когда он открыл глаза в муках огня, началось слияние с тенью, и пути назад уже не было.

Это тело уже было в аду, но адский огонь бесконечен, и боль, от которой кричит душа, не забудется никогда.

Жунъин. Слияние плоти и тени...

Он таял в клубящемся чёрном тумане, наблюдая, как его плоть превращается в кровавое месиво, кости дробятся, а душа разрывается на куски, тонет в море крови и грязи, в которое превратилось его тело, а затем медленно, мучительно снова принимает человеческий облик. Казалось, прошли годы...

Позже он вспомнил, что это были три дня и три ночи.

И всё это время кто-то смотрел на него.

<http://bllate.org/book/16978/1589730>